

Прошлое России богато выдающимися личностями, оставившими весьма неоднозначный след в анналах истории. К таковым с полной уверенностью можно отнести графа А.Х. Бенкендорфа (1781(83?)–1844), чье имя в отечественной историографии и беллетристике долгое время связывалось с эпохой николаевской реакции и гонениями на передовых писателей и поэтов. Однако еще С.М. Волконский, внук знаменитого декабриста, справедливо отмечал, что «если есть фигуры, ждущие оценки, то Бенкендорф ждет переоценки». Александр Христофорович вошел в историю не только как «первый жандарм» империи, но и как храбрый участник целого ряда военных кампаний, а также как путешественник и мемуарист. Он, как минимум, дважды бывал в Симбирске и оставил весьма интересные воспоминания. Кроме того, с нашим краем граф был тесно связан по роду службы.

На протяжении многих лет А.Х. Бенкендорф вел своеобразные журналы-дневники, в которых фиксировал значимые события своей жизни. В 1817 г. часть его автобиографических записей, связанных с Отечественной войной 1812 года и последующим заграничным походом, была опубликована в «Военном журнале». После смерти графа выяснилось, что военные воспоминания – лишь часть обширных мемуаров, в которых он дал «очень верное и живое изображение» эпохи Николая I. В 1865 г. журнал «Русский архив» напечатал два небольших отрывка из записок первого начальника III отделения.

Наконец уже в наши дни А.Х. Бенкендорф стараниями исследователей Д.А. Майорова, Л.М. Смирнова и М.В. Сидоровой стал известен широкой публике как путешественник. В 1802–1803 гг. будущий герой войны 1812 года и грозный шеф Корпуса жандармов в составе секретной экспедиции генерала Е.М. Спренгтпортена объехал «с целью военно-стратегического осмотра Азиатскую и Европейскую Россию». Впечатления от увиденного им исправно фиксировались в путевых заметках, опубликованных в журнале «Наше наследие» в 2004 г.

Весной 1803 г. участники экспедиции по пути на Кавказ сделали непродолжительную остановку в Симбирске. Воспоминания молодого офицера-гвардейца, впервые посетившего наш край, весьма заняты и в какой-то мере даже пикантны.

В губернский город великосветские путешественники прибыли в мае месяце, проделав до этого в поисках генерала Е.М. Спренгтпортена «полторы тысячи верст без всякой пользы». Выехав из Москвы «по дороге на Рязань и Тамбов» в Царицын, А.Х. Бенкендорф и А.Д. Гурьев не обнаружили там своего начальника и отправились ему навстречу. Вот как описывает дальнейший ход событий сам Александр Христофорович:

«Мы встретили генерала около Нижнего Новгорода, и остановились уже вместе с ним в Симбирске, где

наш молодец-генерал всецело отдался своей любви (незадолго до этого 62-летний Е.М. Спренгтпортен в очередной раз женился и продолжил путешествие с молодой красавицей-супругой. – А. К.), а мы умирали от скуки.

Единственным развлечением была поездка к одному очень богатому и утонченному дворянину, чье имя я забыл, он имел фабрики, конный завод и очаровательную усадьбу. Желая продемонстрировать все жанры своего театра, он в течение трех дней дал для нас три спектакля: оперу, комедию и трагедию, не считая концертов, которыми он нас потчевал за ужином и обедом. Кто устоит перед обаянием крепостного театра! Исполненный чувств отзывчивого на красоту зрителя, я уже было направил весь их пыл, перераставший во вполне земные желания, на его оперную примадонну, но как только она дала понять, что готова ответить на мой призыв своей благодарностью, бедняжка немедленно была наказана кнутом на конюшне, и я уже старательно избегал навлечь на ее очаровательную спину повторное наказание.

В первые дни июня мы наконец покинули Симбирск и поехали в Саратов».

Отсутствие в воспоминаниях А.Х. Бенкендорфа описания внешнего вида Симбирска красноречиво свидетельствует о том, что административная и культурная «столица» губернии, хотя и была «пред многими другими городами гораздо лучше выстроена», не отличалась в начале XIX в. ни архитектурной изысканностью, ни наружным благоустройством. Несколько каменных особняков «новейшей архитектуры», 16 церквей и 2 монастыря вряд ли представляли какой-либо интерес в глазах молодых людей с утонченным вкусом. За исключением старинного каменного соборного храма и здания Главного народного училища, центр города «украшали» ветхие казенные строения, появившиеся здесь еще «к открытию Симбирского наместничества», да бугры и рытвины,

оставшиеся от «пяти деревянных с таковыми ж стенами башен...». «Каменные кварталы», предусмотренные на их месте регулярным планом 1780 г., только-только начинали застраиваться. Разделенный на две части широкой сплошной полосой садов, расположенных по склону Венца, Симбирск состоял из массы весьма скромных деревянных домов, домиков и домишек, население которых «по большей части промышляло хлебом... и садовыми плодами». Картину сельской идиллии дополнял вольно бродящий по улицам домашний скот, по временам громко мычащий и блеющий.

Не удивительно, что золотая столичная молодежь, ожидая завершения любовной эйфории своего начальника, «умирала от скуки» в подобном окружении. Впечатления, полученные А.Х. Бенкендорфом в Симбирске, связаны лишь с «единственным развлечением», которое он и его спутники смогли здесь найти, – поездкой в гости и крепостным театром. «Старожилые дворяне, богатые и значительные по губернии», с приближением лета покинули город, вернувшись обратно в свои имения. Окажись путешественники в губернском центре зимой 1803 года, им вряд ли бы дали скучать – в ту зиму «Симбирск был особенно оживлен» – «каждый день были обеды, вечера,

Генерал Е.М. Спренгтпортен

Иллюстрации на стр. 40:

Граф А.Х. Бенкендорф;

Фрагмент плана г. Симбирска конца XVIII - начала XIX века. ГИМЗ;

Фрагмент карты Симбирской губернии 1815 г. ГАУО. Красной линией обозначен возможный маршрут А.Х. Бенкендорфа

Генерал Е.М. Спренгторпен с женой, урожденной В. Замыской. Фрагмент акварели Е.М. Корнеева. 1803 г.

балы, два раза в неделю благородное собрание и театр. Так было приятно и весело, что многие присезжали из Москвы и Казани...».

Кто из симбирян-театраломанов скрывается под лестной характеристикой «богатого и утонченного дворянина»?

Вряд ли А.Х. Бенкендорф в данном случае намеренно не называет его. Известно, что граф был удивительно забывчив на имена. Однажды в гостях он не смог вспомнить даже собственную фамилию. Крепостными театрами владели в то время многие симбирские помещики. Однако наибольшей популярностью и, соответственно, известностью отличались дворовые театры бригадира Н.А. Дурасова и отставного поручика А.Е. Столыпина.

Первый, «человек добрый, недалекий, необразованный и в то же время самый тщеславный», содержал в симбирском крае сразу две крепостных труппы: одну в Симбирске, другую – в своем завожском поместье, расположенном в с. Никольское (ныне Никольское-на-Черемшане). Для обучения актеров и музыкантов Н.А. Дурасов приглашал известных деятелей искусства того времени. Описание театра в Никольском начала XIX столетия содержится в повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука». Во время обеда 11-летний мальчик впервые наблюдал концерт крепостных артистов и был немало удивлен увиденным

и услышанным: «Только что подали стерляжью уху, ... как вдруг задняя стена залы зашевелилась, поднялась вверх, и гром музыки поразил мои уши! Передо мною открылось возвышение, на котором сидело множество людей, держащих в руках неизвестные мне инструменты. ...Я был подавлен изумлением... Держа ложку в руке, я превратился сам в статую и смотрел разиня рот и выпуча глаза, на эту кучу людей, то есть на оркестр, где все проворно двигали руками взад и вперед, дули ртами и откуда вылетали чудные восхитительные волшебные звуки, то как будто замиравшие, то превращавшиеся в рев бури и даже громовые удары... Музыка прекратилась. ...На возвышении показались две девицы в прекрасных белых платьях..., все в завитых локонах; держа в руках какие-то листы бумаги, они подошли к самому краю возвышения, низко присели... и принялись петь...».

Любопытно, что А.Х. Бенкендорф также вспоминает о концертах, которыми хозяин усадьбы «потчевал» их за ужином и обедом. Однако подобные музыкальные представления были распространены тогда повсеместно. Упоминание о них не может служить доказательством пребывания столичных гостей в завожском имении Н.А. Дурасова.

Помещику А.Е. Столыпину, прадеду поэта М.Ю. Лермонтова, в «симбирской отчине» принадлежала «не придворная, а просто дворовая труппа», известная, тем не менее, далеко за пределами губернии. Она состояла из драматических оперных артистов, оркестра и хора. В труппе было «человек десяток» талантливых актеров, среди которых особо выделялась Варенька «Столыпинская» – Варвара Борисовна Новикова. В 1806 г. труппа была продана за 32 тыс. руб. императорскому двору и положила начало московскому Малому театру. Алексей Емельянович «в театральном искусстве, – по образному выражению А.М. Тургенева, – не знал ни уха, ни рыла», однако его дочери «изволили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах». Наряду с ними «первые амплуа актрис занимали сентные девушки», солист Ганька, трагик Доронька. «Для обстановки пьес на сцене (имелась) целая фабрика коверная и самопрялок девок без малого сот-ня... Гардероб, костюмы для цариц и княжен в трагедиях перешивались из роброн боярышень; для костюмов актеров прикащика Еремейча ежегодно на первой неделе поста посылали в Москву, где он на толкучем рынке скупал у торговков разные платья, приобретенные торговками за дешево у промотавшихся щегольков в сырную неделю».

Вероятно, именно в гости к А.Е. Столыпину, владевшему имением в д. Линевка Симбирского уезда, и ездили участники экспедиции, во время пребывания в Симбирске. Иначе в воспоминаниях А.Х. Бенкендорфа непременно появился бы сюжет, связанный с трудностями спуска с симбирской «горы» и переправой через Волгу (редко кто из путешественников обходил тогда вниманием эту тему). Тем не менее полностью отрицать возможность поездки путешественников в Никольское нельзя ввиду отсутствия прямых доказательств обратного. Помещик Н.А. Дурасов был «весьма богат и чрезвычайно хлебосолом», имел и фабрики, и конный завод, и очаровательную усадьбу, вот только назвать его «утонченным дворянином» можно лишь с большими натяжками. Правда, и А.Е. Столыпин «нигде ничему не учился, о Мольере и Расине не слыхивал». Так что вопросов здесь пока больше, чем ответов...

Несомненный интерес представляет пикантная история о мимолетном увлечении молодого человека местной «оперной примадонной». Известно, что Александр Христофорович был большим поклонником прекрасного пола. Как заметил в своих воспоминаниях Э.И. Стогов, «кто звал графа Бенкендорфа, тот знает, что граф не прочь от гурий». Особенно же его прельщали «жрицы Мельпомены». Спустя 4 года после описываемых событий, находясь во Франции, он «похитил» у парижского театра и привез в Россию знаменитую трагическую актрису, мадемуазель Жорж – любовницу... императора Наполеона! Вполне возможно, что симбирской театральной «гурией», пленившей сердце столичного красавца-оффисера, была упомянутая выше В.Б. Новикова, блиставшая затем на московской сцене. Внимание, проявленное флигель-адъютантом Его Императорского Величества, могло сулить крепостной артистке немало выгод. Оттого-то со стороны ее хозяина и последовало столь суровое наказание.

Короткая дневниковая запись А.Х. Бенкендорфа о единственном симбирском развлечении, безусловно, является ценным источником, дополняющим и оживляющим наши представления о жизни местного благородного общества в начале XIX века, о тогдашних театральных «затях» симбирских помещиков. Кроме того, она неоспоримо свидетельствует о том, что знакомство Александра Христофоровича с нашим краем началось задолго до его вступления в должность главы III отделения Императорской канцелярии.

Александр Кузнецов